

vologod/634542/#ixzz49BhjaSS (Дата обращения: 17.05. 2016 г.)

11. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 2004. 176 с.

12. Исаев И.И. Лингвистическая география. URL: <http://il.rsuh.ru/article.html?id=2633245> (дата обращения 05.05.2016)

13. Михова Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2006. 198 с.

14. Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северно-русских говоров: Сб. научн. ст. Вологда, 1975.

References

1. Avanesov R.I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Sketches of Russian dialectology]. Moscow, 1949, 340 p.

2. Volkova N.A., Mikhova N.G. O foneticheskikh variantakh v govorah Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti [About phonetic variants in the dialects of the Kirillov district of the Vologda region]. *Govory Vologodskogo kraia: aspekty izucheniia* [Dialects of the Vologda region: the aspects of the study]. Vologda, 2008, pp. 146–153.

3. Volkova N.A., Mikhova N.G., Kovshikova A.A. Mnogofaktornai obuslovlennost' foneticheskoi variantnosti v govorah isto-richeskogo Belozer'ia [Multifactor conditioning of phonetic variance in the dialects of the historical Belozeria]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2012, №2, T. 2, pp. 66–69.

4. *Vologodskaiia oblast'. Administrativno-territorial'noe delenie* [Vologda region. Political division]. Vologda, 1974, 350 p.

5. *Govory istoricheskogo Belozer'ia: Reader / comp. ON. Volkov NG Mihov.* [Historically speaking Belozerja: Reader / comp. N.A. Volkova, N.G. Mikhova]. Cherepovets, 2013. 124 p.

5. *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka. Karty* [Dialectological atlas of the Russian language. Maps]. Moscow, 1965.

6. *Zakon Vologodskoi oblasti ot 6 dekabria 2004 g. №1116-OZ «Ob ustanovlenii granic Kirillovskogo municipal'nogo rajona, granicah i statute municipal'nyh obrazovani, vkhodiashtih v ego sostav»* [Vologda Region Act of 6 December 2004 №1116-OZ, "On establishing the borders of Kirillov Municipal District, borders and the status of municipalities,

included in its composition"]. Available at: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=234463>

7. *Zakon Vologodskoi oblasti ot 13 apreliia 2009 g. №2005-OZ «O preobrazovanii nekotorykh municipal'nykh obrazovani Kiril-lovskogo municipal'nogo raiona Vologodskoi oblasti»* [Vologda Region Act of April 13, 2009 №2005-OZ "On the transformation of some municipalities Kiril-Sylov municipal district of the Vologda region."]. Available at: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=234463>

8. *Zakon Vologodskoi oblasti ot 6 dekabria 2004 goda №1116-OZ "Ob ustanovlenii granic Kirillovskogo municipal'nogo raiona, granicah i statute municipal'nyh obrazovani, vkhodiashtih v ego sostav"* [Vologda Region Act of 6 December 2004 №1116-OZ "On Establishing the Borders of Kirillov Municipal District, borders and the status of municipalities, included in its composition"]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/938502628>

9. *Zakon Vologodskoi oblasti ot 25 iyunia 2015 g. №3691-OZ "O preobrazovanii nekotorykh municipal'nykh obrazovani Kirillovskogo municipal'nogo raiona, o vnesenii izmenenii v zakon oblasti "Ob ustanovlenii granic Kirillovskogo municipal'nogo raiona, granicah i statute municipal'nyh obrazovani, vkhodiashtih v ego sostav" i izmenenii v prilozhenie k zakonu oblasti "O nekotorykh voprosakh organizatsii i deiatel'nosti organov mestnogo samoupravleniia na territorii Vologodskoi oblasti"* [The law of the Vologda region on June 25, 2015 №3691-OZ "On the transformation of some municipalities Kirillov Municipal District of amending the law field" On Establishing the Borders of Kirillov Municipal District, borders and the status of municipalities, included in its composition "and change in an annex to the law field "some in-asks the organization and activities of local authorities in the territory of the Vologda region"]. Available at: <http://www.garant.ru/hot-law/vologod/634542/#ixzz49BhjaSS>

10. Zakharova K.F., Orlova V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 2004, 176 p.

11. Isaev I.I. *Lingvisticheskaiia geografiia* [Linguistic geography]. Available at: <http://il.rsuh.ru/article.html?id=2633245>

12. Mikhova N.G. *Govory Kirillovskogo rajona Vologodskoi oblasti (foneticheskii aspekt): dis. ... kand. filol. nauk* [Dialects Kirillov district of the Vologda region (phonetic aspect): Dr. Philol. Sci. diss.]. Cherepovets, 2006, 198 p.

13. Chaikina Iu.I. *Voprosy istorii leksiki Belozer'ia* [Questions of history vocabulary of Belozerya]. *Ocherki po istorii severno-russkikh govorov: Sb. nauchn. st.* [Essays on the history of northern Russian dialects]. Vologda, 1975, 216 p.

УДК 811.161.1'28

С.А. Ганичева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина
Вологодский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного научного гранта
Вологодской области (проект «Электронный словарь диалектной языковой личности»)*

В статье рассматривается языковая личность носителя говора, получившего профессиональное образование и переехавшего из деревни в город. Автор определяет, как черты в структуре исходной диалектной языковой личности подверглись трансформации, а какие сохранились. Для этого последовательно проанализированы три уровня структуры языковой личности (по Ю.Н. Караулову): вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический.

Диалектология, вологодские говоры, речевой портрет, языковая личность.

The article deals with the language personality of person speaking a dialect but moved from the countryside to the city and got a professional education. The author defines what components of dialect language personality changed and what components remained. The three levels of the language person (according Y.N. Karaulov) – verbal and semantic, cognitive and pragmatic – are sequentially analyzed.

Dialectology, Vologda dialects, speech portrait, language personality.

Введение

Исследования диалектной языковой личности традиционно основываются на материале, полученном от «типичных» носителей говора – людей старшего поколения, уроженцев определенной местности, не выезжавших надолго за ее пределы и не имеющих высшего образования (см.: [3; 4; 5; 6; 8; 9]). Однако черты диалектной языковой личности, как и особенности того или иного говора, можно наблюдать у значительно большей группы человек – уроженцев деревни, получивших образование и / или переехавших в город. В подобных случаях эти черты являются для человека исходными, базовыми, однако трансформируются под влиянием профессионального образования, городской культуры и т.п.

В связи с этим встает вопрос о том, каково направление и содержание этих изменений, а также о том, что в структуре языковой личности оказывается наиболее сохранным. В данной статье мы излагаем ряд наблюдений, касающихся данного вопроса, который, насколько нам известно, ранее в русской диалектологии специально не ставился.

В центре нашего внимания находится языковая личность Николая Павловича Шаброва (1938 г.р.), уроженца дер. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Детство Николая Павловича прошло в родной деревне. После школы в 17 лет он поступил в летное училище г. Сасово Рязанской обл., которое закончил в 1957 г. В этом же году Н.П. Шабров был зачислен летчиком в 71 летный отряд, базирующийся в Вологде, и проработал там до 1985 г. Заочно закончил Московский авиационный институт. После выхода на пенсию Н.П. Шабров каждое лето много времени проводит в Борбушине. Николай Павлович охотно беседует с приезжающими к нему диалектологами, рассказывает о прежней жизни деревни, своей семье, учебе, профессиональной деятельности.

Выбор информанта неслучаен. В речевом поведении Н.П. Шаброва отражаются, с одной стороны, черты, характерные для диалектного мировосприятия: прагматичность, ориентированность на решение конкретных бытовых и жизненных задач, эмоциональность и др. С другой стороны, даже непродолжительная беседа с Николаем Павловичем позволяет обнаружить ряд иных черт, нехарактерных для «типичной» диалектной языковой личности: преобладание в рассказах профессиональных тем, частое обращение к прецедентным текстам (в основном строкам из стихотворений и песен), отсутствие многих фонетических особенностей, характерных для говоров Кирилловского района, и др.

В данной статье делается попытка определить, какие черты диалектной языковой личности оказались наиболее сохранными, а какие претерпели изменения. Теоретическую основу исследования со-

ставляет концепция Ю.Н. Караулова, согласно которой можно говорить о трех уровнях, составляющих структуру языковой личности: вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом (мотивационном) [7]. Материалом для наблюдения служат 72 текста различной тематики, написанных Н.П. Шабровым, подготовленные им ответы на вопросы ряда разделов программы «Лексического атласа русских народных говоров» («Природа», «Человек» (подраздел «Анатомические названия»), «Трудовая деятельность» (подразделы «Полеводство», «Огородничество», «Плотницкое дело»), «Материальная культура» (подразделы «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь»), а также аудиозаписи бесед с Николаем Павловичем. Для сопоставления привлекаются данные исследований, посвященных языковой личности севернорусского крестьянина и составлению его речевого портрета [3], [4], [6], [8], [9], а также обращающихся к проблемам диалектного мировосприятия [1], [2].

Основная часть

Вербально-семантический уровень. Согласно Ю.Н. Караулову в структуре языковой личности этот уровень является низшим, «нулевым». Его составляют «слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания» [7, с. 53]. Главной особенностью диалектной языковой личности на этом уровне является наличие в речи фонетических, грамматических, лексических черт, характерных для определенных говоров (ср., например, описания данного уровня в речевых портретах М.И. Большаковой [8], Н.Д. Исаковой [3], Н.Д. Шиловской [4]).

В речи Н.П. Шаброва напротив, на вербально-семантическом уровне наблюдается утрата диалектных черт. Наименее сохранными оказываются фонетические и грамматические особенности, из которых системно проявляется только неполное оканье, использование архаичной формы глаголов *есть* и *класть* – *ести* и *класти*, употребление союза *дак*, распространенного в севернорусских говорах, постпозитивных частиц *-от*, *-то*, *-ка*. Другие черты, отмечавшиеся диалектологами в речи жителей Борбушина и соседних деревень, в том числе в речи матери Н.П. Шаброва Анны Алексеевны Шабровой (изменение качества [а] и [э] между мягкими согласными, утрата интервокального [j], отсутствие редукции возвратных суффиксов, твердый долгий шипящий и др. [3], [6]), отсутствуют.

Диалектная лексика представлена в речи Н.П. Шаброва значительно более ярко, однако в основном находится в пассивном словарном запасе. Об этом свидетельствует тот факт, что в текстах, созданных Николаем Павловичем, а также в его устной речи диалектные слова встречаются только эпизоди-

чески (*Я называю её «речка Юза»: она юзит между холмиками, и не найти двадцати метров, чтобы речка куда-нибудь не повернула; Раньше в Феропонтово ходили и ездили через перевал, который называли **серёдка**; и др.*). Однако обращение к рукописи, содержащей ответы на вопросы программы «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), показывает, что в пассивном словарном запасе Н.П. Шаброва находится значительный пласт диалектной лексики.

При этом в разных тематических группах диалектная лексика представлена в разном объеме. В материалах по разделу «Природа» диалектные слова составляют примерно 9 % от всех ответов, «Материальная культура» – 13 %, «Трудовая деятельность» – 19 %, «Человек» – 9 %. Такое различие не может объясняться только спецификой соотношения диалектной и литературной лексики в лексиконе носителей кирилловских говоров, о чем свидетельствует, например, то, что «Тематический словарь лексики природы говоров Кирилловского района Вологодской области», составленный нами на основе архива диалектологических экспедиций по программе ЛАРНГ в Кирилловский район Вологодской области и данных «Словаря вологодских говоров», содержит 401 слово в отличие от 64 в ответах Николая Павловича по разделу «Природа».

Возможно, большая сохранность в памяти диалектных слов, относящихся к тематическим группам «Трудовая деятельность» и «Материальная культура», объясняется тем, что они связаны с понятиями, ситуациями, действиями, не имеющими эквивалентов в городской жизни и / или продолжающими быть тесно связанными в сознании информанта с деревенской средой.

Говоря о вербально-семантическом уровне, необходимо также отметить существование в активном лексиконе значительного пласта профессиональной лексики (профессионализмы, элементы профессионального жаргона), особенно богато представленной в текстах на профессиональные темы: *Бывали дни, что не летали, а помогли **разворачиваться на рулёмке** и на **тормозах** другим курсантам; **Чашкой** ещё называют кресло пилота у истребителя в кабине; В передней части тучи – **шквалистый воротник** и др.* Интересен, в частности, перечень ответов Н.П. Шаброва на вопрос ЛСЛ 554 «Облако» программы ЛАРНГ: *облако, облачко, туча, **цирусы**, **альтастратусы**, **кумулюсы**, **фрактанимбусы**, **нимбостратусы*** (обозначения разных типов облаков, представляющие собой русифицированные варианты международных латинских терминов *Cirrus*, *Altostratus*, *Cumulus*, *Nimbostratus*).

Кроме того, сопоставление материалов, полученных от Н.П. Шаброва, с текстами, записанными от диалектоносителей, упоминавшихся выше, показывает наличие в речи информанта слов и словоформ, имеющих книжную окраску: *Клевер шведский. Охотно посещается пчёлами; Одуванчик – **рекордсмен** по размножению.* Следует отметить также правильность и богатство синтаксических конструкций, используемых в речи, что особенно ярко проявляется в письменных текстах: *И вот, движимые го-*

лодом, мы втроем: сестра Ольга, Нина Семёнова и я – отправлялись по этой тропинке к перевалу; Но и сейчас видны кое-где острова черёмухи, выделяющиеся белыми пятнами в нарастающих массивах ельника и др.

Таким образом, для вербально-семантического уровня изучаемой языковой личности характерна утрата фонетических и грамматических черт, а также переход значительного объема диалектной лексики в пассивный словарный запас; при этом наиболее сохранной оказывается лексика тематических групп «Трудовая деятельность» и «Материальная культура». Также этот уровень отражает значительное воздействие литературного языка и влияние профессионального дискурса.

Лингвокогнитивный уровень. Этот уровень представляет собой систему знаний о мире, включающую понятия, концепты, сценарии, схемы и др. Для диалектной языковой личности на этом уровне характерны конкретность знаний о мире, их сфокусированность в сфере бытовых жизненных интересов человека, фрагментарность и др. Анализ текстов, записанных от диалектоносителей, показывает, что в них, как правило, эксплицируются такие концепты, как 'труд', 'семья', 'дом', 'родина', 'судьба', 'здоровье / болезнь', входящие в число базовых концептов национальной картины мира.

Перечисленные особенности присущи и лингвокогнитивному уровню изучаемой языковой личности, хотя их речевые реализации могут отличаться от тех, которые можно наблюдать у «типичного» носителя говора.

О конкретности системы знаний о мире и их прагматической направленности явно свидетельствуют, в частности, многие ответы Н.П. Шаброва на вопросы программы ЛАРНГ. Например, в целом ряде случаев Николай Павлович вместо нарицательных лексем приводит названия конкретных природных объектов, расположенных неподалеку от Борбушина: *Так от Ихалицы до Вои, что течёт из Костромской области, лежит болото – Большая чисть* (вопрос ЛСЛ 414 «Большое болото»); *Ципина Гора. Маура Гора. Соколиная Гора. Роскина Гора* (вопрос СМ 502 «Употребляется ли и в каких значениях слово *гора*?»). Объяснение такой конкретной привязки к местности, существующей в сознании, находим в тексте, озаглавленном «Названия местности у деревни»: *Жители деревни некоторые (а почти все) территории обозначали определёнными названиями для лучшей ориентации в севообороте, косье, других сельхозработах.*

Прагматическая направленность знаний о мире подтверждается также большим количеством контекстов, в которых даётся оценка предметов и явлений с точки зрения практической пользы или оценка ситуаций с точки зрения их возможных последствий: *Грузди – ребята дружные. Нашёл один – ищи ещё, найдёшь много* (вопрос Л 161 «Груздь»); *Закрой заднюю, когда полезешь в подпол за картошкой. Дети упадут если не закрыть!* (вопрос ЛСЛ 16 057 «Пристройка к печи в виде шкафа или чулана, в котором находится ход в подполье»). При этом к традиционным крестьянским знаниям о мире добавляются и профессиональные сведения, имевшие для

Н.П. Шаброва не меньшее практическое значение: *Безопасный интервал между двумя облаками – 30 км, между облаком и самолетом – 15 км. Вход в грозовое облако запрещён!* (вопрос ЛСЛ 556 «Большое дождевое облако») и др.).

Центральным концептом в картине мира Н.П. Шаброва является, по-видимому, концепт 'труд', что, как уже отмечалось, характерно для традиционного крестьянского сознания. Однако наполнение этого концепта претерпевает некоторые изменения (ср.: [4]). Трудовая деятельность для Николая Павловича – это в первую очередь профессиональная деятельность, работа летчиком. Об этом свидетельствует количество текстов на «лётные» темы (26 из 72), а также частое вплетение профессиональных мотивов в остальные тексты. Кроме того, к ядру этого концепта относятся представления о работе в огороде, пчеловодстве, плотницком деле, также вербализованные в текстах. На периферии оказываются воспоминания о традиционных крестьянских работах (полеводство, животноводство, льноводство и т.д.), актуализируемые только в ответах на вопросы ЛАРНГ, то есть в связи со специальным коммуникативным заданием.

Второй по значимости концепт, актуализированный в сознании изучаемой языковой личности, – концепт 'родина', под которой понимается родная деревня Борбушино, а также близлежащие деревни Белоусово, Быково, Мыс, Плахино, Сиверово. При этом в сознании отражается традиционная для народной культуры значимость принадлежности к своему социуму и оппозиция «свой – чужой», что можно заметить, например, в тексте «Ципина, корела, барщина»: *А так на уме у ребят драки да хулиганство. Территория разделена на определённые сферы влияния. И названия есть. Вот, например, я ципинский, так как живу около горы Ципина*. Концепт 'родина' включает в себя образы природных объектов (река Юза, острова на болоте, покосы рядом с деревней, холм Ципина гора и др.), образы односельчан, представления об истории деревни. Очень важна и эмоциональная составляющая, частью которой является гордость за то, что прошлое и настоящее Борбушина, речь местных жителей вызывают интерес других людей (тексты – воспоминания о студентах, приезжавших на диалектологическую практику, об иностранцах, знакомившихся с деревенской культурой и гостивших в Борбушине).

Отражены в текстах, созданных Н.П. Шабровым, и такие традиционные концепты как 'любовь' и 'семья'. Концепт 'любовь' репрезентируется в рассказах о том, как встречали своих жен коллеги по летной работе, в цитатах из песен о любви, включенных в иллюстрации к ответам на вопросы ЛАРНГ и др. Концепт 'семья' отражается в первую очередь в рассказах об истории рода, а также в образах жены, сына, дочери, появляющихся в текстах на самые разные темы. С этим концептом также связана оппозиция «свой – чужой», проявляющаяся, например, в тексте «Острова на болоте»: *Об этих островах [имеются в виду островки на болоте, на которых растёт много грибов – С.Г.] я говорил сыну Павлу. <...> Всё мечтал сходить с ним, да ноги стали пло-*

хи, а он всё работает. <...> Показывать дорогу туда другим не хочу!

Таким образом, лингвокогнитивный уровень, в отличие от вербально-семантического, сохраняет большее количество черт, характерных для диалектной языковой личности. Меняется только их конкретное наполнение, дополняющееся системой профессиональных знаний, а также знаний общекультурного плана.

Прагматический уровень. Прагматический уровень языковой личности включает в себя систему мотивов, целей, установок, коммуникативных ролей и т.п. Этот уровень наиболее сложен для описания и мало исследован на материале диалектной языковой личности. В общих чертах можно отметить эмоциональность диалектной речи, яркую оценочность, следование традиционным коммуникативным ролям, важность соблюдения норм речевого этикета (доброжелательность общения, ориентация на собеседника) [1], [2], [3], [4], [5].

Как и в случае с лингвокогнитивным уровнем, обращаясь к описанию языковой личности Н.П. Шаброва мы наблюдаем все перечисленные особенности, наиболее яркой из которых в нашем случае является эмоциональность: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови?* В письменных текстах показателем эмоциональности является частое использование восклицательного знака: [продолжение предыдущего текста – С.Г.] *А так сосед собирает их и отвозит на полигон, где приходят кабаны, и бьёт их на мясо!*

Ярко проявляется и оценочность высказываний. Это могут быть оценки-когнитивы (*Болонá, а не лес. Тóко на дровá; Кисли́ца, но зато́ из неё хоро́ший, вку́сный компóт*), оценки-сублиматы (*Так и мне пришлось ездить на запорожце. Два года! Ужас!!!*), реже оценки-аффективы (*А черень-то у ножка сделан из цветного пластика!*).

Систему коммуникативных ролей, характерных для изучаемой языковой личности, затруднительно реконструировать на имеющемся материале, однако любопытно отметить, что в высказываниях часто проявляется императивность и / или стремление наставить, научить чему-либо адресата, то есть следование роли «Родителя» (по Э. Бёрну), традиционно характерной для человека старшего поколения: *На балды́ш кего́лову и но́ги береги́те! Купайтесь на мелком месте. Там и вода тёплая, и не утонете! Возьми табуретку и достань с печи корзину с помидорами! Золотое правило: «Знание человеком своей группы крови спасает ему жизнь!»* Ср., например, преобладание той же позиции в ролевом диапазоне Н.Д. Шиловской [4, с. 124].

Ю.Н. Караулов отмечает, что на прагматическом уровне в наибольшей степени отражаются индивидуальные черты языковой личности. В нашем случае очень яркой особенностью является активное обращение к прецедентным текстам. Как правило, это тексты песен и классических поэтических произведений: *И скоро награда за ратны труды: подушка из*

свежей травы в головах!.. (В.С. Высоцкий); Снег, снег, снег... Снег над тайгой кружится. Над тишиной замерзших рек... Снег, снег, снег... (А. Городничкий); Ну, что тебе сказать про Сахалин? На острове нормальная погода! (М. Танич); Тут соловей являть своё искусство стал: зацёлкал, засвистал на тысячу ладов... (И.А. Крылов); Олег усмехнулся, однако чело и взор омрачились думой... (А.С. Пушкин). Реже цитируются фольклорные произведения: Ой, подружка дорогая,/ не будем маленьких любить!// Целоваться, нагибаться/ поясина заболит! (частушка); Радуга-дуга! Перекинь дождя на ту сторону, к тому городу!!... (детская считалка).

Другая индивидуальная особенность – высокий уровень языковой рефлексии и в целом интереса к языку: А почему в селе Бабушкино речка названа «Леденьга»?; «Цип-цип» произошло от еврейского женского имени Ципора; Почти все слова могут присутствовать. И не ошибусь, если напишу: «Велик Русский язык!»

Таким образом, на прагматическом уровне, как и на лингвокогнитивном, также сохраняются традиционные для диалектной языковой личности черты. Проявляются и яркие индивидуальные особенности, что характерно для данного уровня языковой личности.

Выводы

Проведенный анализ материала показывает, что черты, характерные для диалектной языковой личности на лингвокогнитивном и прагматическом уровне (прагматичность, эмоциональность, значимость знаний для конкретной бытовой деятельности), сохраняются в речи человека, получившего среднее и высшее профессиональное образование и прожившего большую часть взрослой жизни в городской среде. Вербально-семантический уровень, напротив, подвергается значительной трансформации. В то же время наблюдения, сделанные нами, требуют проверки и подтверждения путем обращения к рассмотрению языковых личностей других людей – выходцев из диалектной среды.

Литература

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. 240 с.
2. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб., 2008. С. 68–76.
3. Драчева Ю.Н. Нина Арсентьевна Исакова // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда, 2014. С. 118–145.
4. Зубова Н.Н. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда, 2015. С. 112–130.

5. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2002. 395 с.
6. Ильина Е.Н. Анна Алексеевна Шаброва // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда, 2014. С. 75–98.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 264 с.
8. Черняева М.И. Метод речевого портретирования и проблемы изучения диалектной языковой личности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2015». М., 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
9. Шильниковская С.В. Речевой портрет Фаины Васильевны Поповой // Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда, 2012. С. 70–77.

References

1. Vendina T.I. *Russkaj ajazykovaja kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovanija* [Russian language picture of the world through the prism of word formation]. Moscow, 1998, 240 p.
2. Demidova K.I. *Dialektная jazykovaja kartina mira i osobennosti ejo reprezentacii v chastnyh dialektnyh sistemah (na material russkij govorov Urala)* [Dialect language picture of the world, and particularly its representation in private dialect systems (based on the Russian dialects of the Urals)] *Leksicheskij atlas russkij narodnyh govorov: materialy i issledovanija* [Lexical Atlas of Russian folk dialects: materials and research]. St. Petersburg, 2008, pp. 68–76.
3. Drachjova Ju.N. Nina Arsent'evna Isakova [Nina A. Isakova]. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: govory Kirillovskogo rajona Vologodskoj oblasti* [Folk speech of the Vologda region: the dialects of the Kirillov district of the Vologda region]. Vologda, 2014, pp. 118–145.
4. Zubova N.N. Shilovskaja Nina Dmitrievna kak dialektная ajazykovaja lichnost' [Nina D. Shilovskaya as a dialect language personality]. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: mezdu proshlym i budushhim* [Folk speech of the Vologda region: between Past and Future]. Vologda, 2015, pp. 112–130.
5. Ivancova E.V. *Fenomen dialektnoj jazykovoj lichnosti* [The phenomenon of dialect linguistic personality. Dr. dis.]. Tomsk, 2002, 395 p.
6. Il'ina E.N. Anna Alekseevna Shabrova [Anna A. Shabrova]. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: govory Kirillovskogo rajona Vologodskoj oblasti* [Folk speech of the Vologda region: the dialects of the Kirillov district of the Vologda region]. Vologda, 2014, pp. 75–98.
7. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, 2007, 264 p.
8. Chernjaeva M.I. Metod rechevogo portretirovanija i problem izuchenija dialektnoj jazykovoj lichnosti [Method of speech portraiture and problems of studying of the dialect language personality]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV–2015»* [Proceedings of the International Youth Science Forum «LOMONOSOV – 2015»]. Moscow, 2015, 1 DVD-ROM.
9. Shil'nikovskaja S.V. Rechevoj portret Fainy Vasil'evny Popovoj [Speech portrait of Faina V. Popova]. *Narodnaja rech' Vologodskogo kraja: materialy porusskoj dialektologii* [Folk speech of the Vologda region: materials for Russian dialectology]. Vologda, 2012, pp. 70–77.